С.Г. Коростелев, аспирант кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: sgkorostelev@gmail.com

ЖУРНАЛ «ЛЕТОПИСЬ» (1915—1917): ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Автор суммирует различные источники, посвященные журналу «Летопись» (1915—1917), дополняет уже имеющиеся сведения анализом самих номеров журнала, вводит в научный оборот новые материалы, почерпнутые в архиве А.М. Горького. Очерчивается круг основных сотрудников «Летописи», в культурном и историческом контексте рассматривается идеологическая платформа журнала.

Ключевые слова: *«Летопись», Горький, Первая мировая война.*

The author summarizes a variety of sources, devoted to the magazine "Letopis" (1915—1917), complements the already available information the analysis of the issues of the magazine, introducing into the scientific circulation of new materials, available in the Archive A.M. Gorky. Outlines of the main staff of "Letopis", in the cultural and historical context is considered the ideological platform of the magazine.

Key words: *"Letopis", Gorky, The First World War.*

В декабре 2015 г. исполнится сто лет с момента выхода в свет первого номера ежемесячного литературного, научного и политического журнала «Летопись» (1915—1917), фактическим руководителем которого был Максим Горький. Считаясь горьковским изданием (тем более — практически единственным солидным журналом, пропагандировавшим пораженческие идеи большевиков во время войны), «Летопись» не могла не привлекать внимания еще *советских* исследователей. Однако оценки, выносимые «Летописи», были, разумеется, проникнуты советской идеологией, и с высоты нынешнего времени их нельзя признать объективными. В нашей работе мы постарались сделать следующее:

1) убрав советский идеологический пафос, суммировать все уже имеющиеся источники, посвященные истории создания журнала;

2) дополнить уже имеющиеся сведения тщательным анализом самих номеров журнала;

3) ввести в научный оборот новые материалы, почерпнутые в Архиве А.М. Горького в Москве.

Ответ на вопрос, каким видел журнал Горький *изначально*, еще до появления первых книжек «Летописи», в каком виде он его задумывал, можно найти в переписке Горького и людей, близко его знавших.

Самое раннее упоминание об этом (тогда еще безымянном) журнале относится к 28 мая 1915 г. и содержится в письме Горького к И.М. Касаткину: «Сейчас необходим орган, который питал бы провинцию и вообще Русь идеями, способными организовать общественное самосознание. <...> война, несомненно, усилит националистические настроения и мысли правящих классов, но можно ожидать, что она понизит национальный шовинизм демократий...»[1]. Впрочем, мысль о создании собственного печатного органа зрела у Горького давно. Еще в 1913 г. он заявлял юристу Н.К. Муравьеву: «Организация левой печати — наша задача. По крайней мере, я считаю это моей задачей» [Дубинская-Джалилова, 1984, с. 202].

За три недели до выхода в свет первого номера «Летописи» А.И. Ульянова-Елизарова писала В.И. Ленину: «Сейчас он [Горький] в журнале ("Летопись") и издательстве ("Парус") ставит целью: 1) борьбу за интернациональность и 2) борьбу со всеми остатками азиатчины в нашей жизни» [там же, с. 208]. Сосланному в Иркутск В.С. Войтинскому[2] Горький писал: «Дабы пояснить Вам платформу и программу "Летописи", скажу следующее: в наши дни публика резко делится на интернационалистов и националистов. Эта линия деления проходит сквозь всю демократию, разъединяя и про-

[1] *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2004. Т. 11. С. 176.

[2] Владимир Савельевич Войтинский (1885—1960) — политического деятель, экономист и писатель. Еще будучи гимназистом, он написал оригинальную книгу «Рынок и цены; теория потребления и рыночных цен», которую высоко оценил известный отечественный экономист М.И. Туган-Барановский и которая вышла в 1906 г. с его предисловием. В 1904—1909 гг. Войтинский был студентом юридического факультета Петербургского университета, откуда был отчислен за неуплату обучения; в это время активно выступал против марксистов. Но под влиянием событий Первой русской революции 1905—1907 гг. Войтинский изменил свои политические взгляды, вступив в РСДРП и примкнув к большевистской фракции. В 1909 г. был арестован. Публиковался в журналах «Современник», «Вестник Европы», «Просвещение» и др. В период ссылки сблизился с меньшевиками, в частности с И.Г. Церетели и с Н.А. Рожковым, вместе с которыми решил издавать антивоенный «Сибирский журнал». Содержание издания оказалось таково, что после выхода в свет первого же номера (10 декабря 1914 г.) он был тотчас конфискован, а его официальный издатель арестован. Вскоре вместе с Церетели Войтинский организовал выпуск еще одного журнала под названием «Сибирское обозрение». Однако и его постигла та же участь: он был тут же закрыт и конфискован. После Февральской революции Войтинский вернулся в Петроград, где, вероятно, и произошло личное знакомство с Горьким. Войтинский поддерживал политику Временного правительства, призывал к объединению меньшевиков и большевиков, а «Апрельские тезисы» Ленина расценил весьма критически. В июле по личной просьбе А.Ф. Керенского Войтинский был назначен комиссаром Северного фронта, боролся с пораженческой пропагандой большевиков. После Октябрьской революции готовил корпус генерала П.Н. Краснова к походу на Петроград. В 1918 г. Войтинский уехал в Грузию, где оставался вплоть до падения меньшевистского правительства этой страны, а в феврале 1921 г. эмигрировал в Германию. В 1935 г. переехал в США; в последние годы жизни окончательно отказался от марксистских взглядов и занимался исследованиями в области экономики и статистики.

летариат. В то же время она крепко объединяет командующий класс — торгово-промышленный — под знаком национализма: это вполне естественно при наличии возможности грабить Русь как хочется и сколько угодно»[3].

Весьма красноречиво высказывался Горький и в своих письмах к К.А. Тимирязеву. 12 ноября 1915 г. Горький писал: «Нам кажется, что умственная реакция доживает последние дни и что настал снова момент, когда необходимо обратить внимание общества от подчинения догматам религии и метафизики в сторону естествознания, эмпирических наук. Как 60-е годы, с их увлечением естествознанием, явились на смену идеализму и мистике, так — думается нам — завтрашний день должен восстановить серьезный и глубокий интерес к опыту науки, — к деянию, единственно способному вывести мысль из тупика, в котором она бессильно бьется ныне»[4].

А вот как кратко характеризует задачи журнала Л.Н. Смирнова: «Горький намеревался объединить в журнале прогрессивные умы России — литераторов, ученых, политиков — для просвещения демократической читательской массы, приобщения ее к европейской цивилизации, для активной антивоенной пропаганды»[5].

Безусловно, Горький надеялся сплотить вокруг «Летописи» всех противников войны, всех недовольных войною и тех, кто не поддался шовинистическим настроениям. Составлением первого номера журнала Горький занимался особенно тщательно, редакция спешила по возможности точнее обозначить избранные позиции, ибо никто не знал, как долго удастся продержаться. 3 декабря 1915 г. Горький писал Войтинскому, что цензура запретила уже шесть статей [Дубинская-Джалилова, 1984, с. 209]. Всех авторов, выбранных для первого номера, объединял общий, ясно выраженный признак — антивоенная позиция, хотя осуждение проявлялось у многих поразному. Оно и неудивительно, ведь антимилитаристский пафос объединил здесь людей самых разных убеждений: от большевиков Волгина и Керженцева до монархиста Бунина. Тем не менее все авторы «Летописи», по замыслу Горького, должны были помочь в «начатой им борьбе против национализма, империализма и “всеобщего одичания”» [там же].

Первая мировая война в известной мере расколола русское общество, спровоцировала довольно острую полемику относительно участия или неучастия России в этой войне, относительно будущего страны и ее роли в европейской и мировой культуре. Именно с целью вступления в эту полемику, чтобы сказать свое веское сло-

[3] Горький и журнал «Летопись» // Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. С. 933.

[4] *Горький М.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 216.

[5] Там же. С. 243.

во, возвратившийся из эмиграции Горький и приступил к созданию «Летописи». Горький писал К.А. Тимирязеву: «Цель журнала — может быть, несколько утопическая — попытаться внести в хаос эмоций отрезвляющие начала интеллектуализма. Кровавые события наших дней возбудили и возбуждают слишком много темных чувств, и мне кажется, что уже пора попытаться внести в эту мрачную бурю умеряющее начало разумного и критического отношения к действительности. Люди живут страхом, от страха — ненависть друг к другу, растет одичание, все ниже падает уважение к человеку, внимание идеям западноевропейской культуры, на Руси все чаще раздаются возгласы, призывающие людей на Восток, в Азию, от деяния — к созерцанию, от изучения — к фантазии, от науки — к религии и мистике»[6].

Помимо официально заявленного подзаголовка «литературный, научный и политический журнал», «Летопись» — в зависимости от того, с какой точки зрения смотреть и чьей терминологией пользоваться, — можно охарактеризовать по-разному: как журнал антивоенный и пацифистский, как журнал пораженческий и непротивленческий, наконец, как журнал социал-демократический. Все эти определения можно и нужно рассматривать через призму «сворачивания» политического устройства, получившего название третьеиюньской монархии, отхода от достижений первой русской революции и введенной царским правительством военной цензуры. Заметим, что в официальном подзаголовке журнала определение «политический» стояло на третьем, последнем месте, что можно объяснить стремлением не привлекать к «Летописи» чрезмерного внимания со стороны цензоров — изначально весьма осторожной тактикой редакции.

Желание Горького выразить определенную общественную позицию, обойдя все цензурные препоны, было, на наш взгляд, первичным в журнале, и именно это желание побудило Горького к созданию «Летописи». Общественно-политическая проблематика была, пожалуй, главной составляющей горьковского журнала, определявшей содержание и «генеральную линию» всех его отделов, в том числе беллетристического и литературно-критического, которые должны были служить красочным подтверждением тех тезисов, которые выдвигались в публицистике.

Организацией журнала Горький занялся сразу по приезде в Россию: уже в феврале 1914 г. в печати появилось сообщение о готовящемся «толстом ежемесячном журнале под руководством Горького» (Журналист. 1914. № 4). Планы и цели нового журнала, его

[6] *Горький М.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 196.

административная структура были определены четко и быстро, ибо Горькому помогали верные друзья и опытные издатели — Иван Павлович Ладыжников (1874—1945) и Александр Николаевич Тихонов (1880—1956). Вопрос упирался в финансы, которые Горький надеялся найти у богатых пайщиков издательства И.Д. Сытина. К одному из них он обратился через Н. Валентинова[7]. В конце концов в дело были вложены деньги самого Горького — аванс, полученный весной 1915 г. от «Товарищества Маркс и К°» под предполагаемое издание сочинений.

Созданию журнала Горький посвятил всего себя вплоть до октября. 2 числа он писал Е.П. Пешковой: «Журнал налажен, имя ему “Летопись”»[8].

Что касается материальной базы, то один из сотрудников — публицист О.А. Ерманский — утверждал: «Журнал находился под эгидой А.М. Горького, хотя финансировался извне благодаря большим связям, которые у него имелись» [Дубинская-Джалилова, 1984, с. 203]. По всем данным, «Летопись» создавалась на материальной базе издательства «Парус». В одном из писем Е.П. Пешковой Горький назвал фамилии пайщиков «Паруса»: «Книгоиздательство налажено, договор подписан, денег мы собрали 350 т. <...> Мы — это я, Тихонов, Ладыжников <...>. Настоящими полноправными хозяевами являемся мы трое, остальные — Сытин, Коновалов[9], Болоховский[10], Груббе[11], кн. Щербатов[12], Глазберг[13] и два Гордона[14] — вкладчики»[15].

Параллельно с «Летописью» в том же оптимальном варианте и с теми же помощниками шла организация издательства «Парус».

---

[7] Настоящее имя Вольский Николай Владиславович (1879—1964) — историк, философ, журналист, революционный деятель, меньшевик.

[8] *Горький М.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 193.

[9] Коновалов Александр Иванович (1875—1948) — общественный деятель. С 1897 г. был директором-распорядителем правления «Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном».

[10] Балаховский Дмитрий Григорьевич (ум. в 1931 г.) — инженер, промышленник-сахарозаводчик.

[11] Груббе (Грубе) Эрнст (Эрнест) Карлович — распорядительный директор Сибирского торгового банка. Был вкладчиком издательства «Парус».

[12] Щербатов Николай Борисович, князь (1868—1943) — государственный деятель, член Государственного совета.

[13] Глазберг Наум Борисович (1874—1963) — адвокат. Член совета и юрисконсульт Русско-азиатского банка, Товарищества механических и чугунолитейных заводов «Молот» и др. Был юрисконсультом в книгоиздательстве «Парус».

[14] Гордон Борис Абрамович (1881—1952) — купец первой гильдии, коммерсант и издатель. Глава Русского общества пароходства и торговли, табачной фирмы В. Асмолова. Директор общества печатного дела «А. М. Гордон с сыном», владелец газеты «Приазовский край» (Ростов-на-Дону). Как и его брат Натан Абрамович Гордон, был вкладчиком издательства «Парус».

[15] *Горький М.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 14.

Позднее М.А. Осоргин оценит писательскую[16], издательскую и общественную деятельность Горького 1914—1917 гг. как его «участие <...> в подготовке февральской революции»[17].

В октябре 1915 г. в Первом отделении канцелярии Главного управления по делам печати было заведено новое дело: «Об издании в городе Петрограде журнала “Летопись”». Первым 23 октября было подшито «Свидетельство № 5230», выданное Петроградским градоначальником на выпуск журнала в свет [Дубинская-Джалилова, 1984, с. 204]. Официальным издателем «Летописи» назывался А.Н. Тихонов, работавший «в части административно-технической и редакционной» [там же] (читал рукописи, вел переписку с авторами, выполнял, по существу, обязанности секретаря редакции). Кроме того, за подписью А. Серебров Тихонов опубликовал рассказ «Святки» (Летопись. 1916. № 1. С. 86—103).

Дальше в «Свидетельстве» о «рождении» журнала был назван редактор «Летописи» Андрей Теофилович Радзишевский (1886—1934), более известный под псевдонимом Р. Арский. Горный инженер и эрудированный публицист, в первую мировую войну он был членом РСДРП (б), пропагандистом Петербургского комитета. Печатался в легальном большевистском органе «Вопросы страхования». В очерке «Горький во время войны 1914 г.» Арский писал о себе, что он, конечно, не руководил журналом, но принимал «живейшее» участие во всей редакционной деятельности [там же].

По мнению Т.И. Дубинской-Джалиловой, имя действительного создателя журнала — М. Горького — не упоминалось в «Свидетельстве» потому, что «необходимо было возможно дольше скрывать от властей, что “Летопись” — детище поднадзорного пролетарского писателя» [там же].

15 ноября 1915 г. в издаваемой И.Д. Сытиным газете «Русское слово» появилось первое объявление об открытии подписки на новый ежемесячный журнал «Летопись». В нем было указано, что журнал будет издаваться при ближайшем участии М. Горького. В алфавитном порядке перечислены были писатели, обещавшие свое сотрудничество: Ив. Бунин, Ив. Вольнов, Г. Гребенщиков, Е. Замятин, М. Пришвин, К. Тренев и др. В отделе литературы и искусства обещали принять участие М. Алданов, А. Луначарский, В. Переверзев, В. Фриче, Б. Эйхенбаум и др.; в отделе иностран-

[16] Литературная деятельность Горького накануне создания «Летописи» достаточно результативна: закончена пьеса «Зыковы», перерабатывается первая часть автобиографической трилогии «Детство», пишется ее продолжение — «В людях». Создаются рассказы «Музыка», «Кража», «Едут», «Пожар», «Мальчик», «Письмо», «На Чангуле», «Счастье», «Страсти-мордасти», «Самовар» и др., пересматриваются и дополняются воспоминания о Чехове.

[17] *Горький М.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 244.

ной жизни — В. Волгин, М. Покровский, А. Лозовский, Г. Цыперович, М, Павлович, З. Венгерова, В. Керженцев, М. Лурье, М. Урицкий, А. Коллонтай; в отделе внутреннего обозрения — Б. Авилов, М. Петров, Ю. Соколов, Ник. Суханов и др.; в отделе науки и философии — К. Тимирязев, Н. Книпович, А. Пинкевич, А. Богданов, В. Базаров, П. Юшкевич и др. [Дубинская-Джалилова, 1984, с. 205]

Извещая историка и публициста Михаила Николаевича Покровского о «рождении» «Летописи», Горький назвал имена намеченных сотрудников: «...Близкое участие в журнале будут принимать В. Базаров, Ник. Суханов, А.Н. Тихонов, приглашены также Ю. Стеклов, Цыперович, Лурье и все им подобные» [там же]. В своих воспоминаниях Р. Арский, говоря о «коренном ядре» редакции, называл Горького, Авилова, Базарова, Суханова. «Очень живое» участие, по свидетельству Арского, в журнале принимали В. А. Десницкий-Строев[18], З. Фаберкевич, С. Вольский [там же]. Уже после того, как «Летопись» начала издаваться, В. Базаров предложил О. А. Ерманскому взять на себя ведение политического отдела редакции: «Я согласился и стал ежемесячно писать “политические отклики”...» [там же].

В.А. Руднев (он же В. Базаров, Седой, Темный, Василий Туляк, Степанов и т.д.) пришел в «Летопись» с репутацией противника войны. Б.В. Авилов, активно печатавшийся в «Летописи» с мая 1916 г., примыкал к левому крылу центристов. З. Фаберкевич, выступавший в печати под псевдонимом Т. Гневич, был видным деятелем польского рабочего движения, сотрудником многих большевистских газет и журналов (в том числе — «Вопросов страхования»). С. Вольский (он же В. Симплтон и А.В. Соколов) в период сотрудничества в «Летописи» причислял себя к большевикам, но после Февральской революции оказался на меньшевистских позициях. Меньшевик Ерманский в годы войны приблизился к большевикам.

Важную роль в редакции «Летописи» играл Н. Суханов[19] (1882—1940). Между двух первых русских революций он подвергался гонениям со стороны властей, арестовывался и высылался, пребывал в эмиграции во Франции и Швейцарии. С 1911 г. Суханов печатался в амфитеатровском ежемесячном литературно-политическом журнале «Современник», который ставил своей целью объединение русской левой оппозиции. В начале 1914 г. стал его редактором. Считаясь народником, Суханов верил в возможность объединения всех левых сил, и такая позиция импонировала Горькому, который сам, будучи по убеждениям коллективистом-богдановцем, хотел добиться сплочения всех социал-демократов.

[18] В апреле 1917 г. Десницкий-Строев вместе с Сухановым, Базаровым и Тихоновым участвовал в создании горьковской газеты «Новая жизнь».

[19] Настоящее имя — Николай Николаевич Гиммер.

Первая встреча Горького и Суханова состоялась в Мустамяках 22 июня 1914 г., в результате чего сложилась их долгая совместная работа[20]. Вскоре после этого началась Первая мировая война, и Суханов объявил себя интернационалистом. В дальнейшем под влиянием Мартова Суханов примкнул к меньшевикам[21].

С точки зрения советской идеологии подобное смешение политических взглядов и вкусов сильно вредило «Летописи»: «...в состав редакции вошли представители различных течений русской социал-демократии. Объединяло их одно — интернациональная позиция, которой они с разной мерой последовательности придерживались в годы первой мировой войны. Но мера эта действительно была очень разной. Одно дело — убежденные большевики типа Арского или Фаберкевича, другое дело — недавний меньшевик Ерманский, или Суханов, который пытался до войны сочетать марксизм с народничеством, или махист Базаров. Такая пестрота состава сотрудников в сочетании с рядом других причин не могла не сделать направление журнала противоречивым» [Дубинская-Джалилова, 1984, с. 206].

Идейная борьба внутри редакции «Летописи» началась вскоре после того, как был создан журнал[22]. И она не могла не начаться, ибо право на участие в «Летописи» получали все интернационалисты. Именно этот «социалистический плюрализм» мешал советским исследователям объявить «Летопись» едва ли не главнейшим демократическим изданием военных лет; именно он заставлял говорить о журнале несколько сдержанно: «...под одной обложкой оказались публицисты ленинской направленности и публицисты-антиленинцы[23]. Влияние последних снизило роль горьковского журнала, но нельзя забывать о том, что в “Летописи” в эти крайне трудные для партии годы печатались многие большевики» [там же, с. 215]. Ленин, впрочем, Горького критиковал: «Горький всегда в политике архибесхарактерен и отдается чувству и настроению» [там же].

Говоря о структуре журнала, отметим, что — с определенной долей условности — литературный, научный и политический журнал «Летопись» можно разделить на шесть отделов:

---

[20] В октябре 1915 г. вышла последняя книжка «Современника», а уже спустя два месяца — первая книжка «Летописи», одним из секретарей редакции которой стала жена Суханова Галина Константиновна Флаксерман (1888—1958).

[21] См.: «Хочу в Россию, где всё чудесно переменилось...» Письма Н.Н. Суханова — Горькому // Горький в зеркале эпохи. Неизданная переписка. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 391—417.

[22] Там же. С. 399.

[23] После Октябрьского переворота руководимая Горьким газета «Новая жизнь» обрушилась на большевиков с критикой, которая продолжалась вплоть до закрытия издания в июле 1918 г.

1) отдел художественной литературы, он же отдел беллетристики (руководитель — М. Горький);

2) отдел художественной критики, в первую очередь, — литературно-критический отдел; выходил под рубрикой «Литература и искусство» (ведущие сотрудники — В. Полонский, А. Пинкевич, Н. Венгров);

3) научный отдел[24] (руководитель — К.А. Тимирязев);

4) отдел философии (ведущие сотрудники — В. Базаров, А.А. Богданов, П.С. Юшкевич);

5) отдел публицистики был самым обширным отделом в «Летописи», распадаясь на несколько подотделов:

— отдел иностранной жизни, выходил под рубрикой «Иностранное обозрение», реже — «Иностранная жизнь»;

— отдел внутренней жизни, включал в себя рубрики «Внутреннее обозрение» (ведущие сотрудники — Н. Суханов, Б. Авилов, Р. Арский) и «По России»[25];

6) отдел библиографии.

С предложением принять участие в создании научного отдела журнала в середине октября 1915 г. Горький обратился к Тимирязеву: «Я прошу Вашей помощи делу, которое мне удалось организовать, и я позволяю себе надеяться, что Вы не откажете доброму делу. <...>

Лицам, которые становятся во главе журнала, хотелось бы восстановить в памяти запуганных событиями людей планетарное значение основ западноевропейской культуры и особенно главной основы ее — науки. Полагаю, что Вам, европейцу по духу, вполне ясны эти намерения и значение их»[26]. В этом письме Горький обратился к великому ученому с рядом конкретных просьб: «дать для <...> издания статью на тему о планетарном, общечеловеческом значении экспериментальной науки»; «рекомендовать журналу научного обозревателя», верного соратника и ученика самого Тимирязева, которому тогда было уже 72 года; указать темы, развитие которых было бы своеобразным и необходимым[27].

Тимирязев живо откликнулся на обращение Горького: «Только что получил Ваше письмо, — писал он, — и спешу хотя бы в не-

---

[24] В первом объявлении на подписку на «Летопись» был заявлен под названием «Наука и философия», но в итоге образовалось, по сути, два отдела — «Наука» и «Философия».

[25] Рубрика «По России» была в журнале непостоянной; читателям запомнилась серия статей В. Симплтона «Письма знатного иностранца» (Летопись. 1916. № 4—7; 1917. № 5, 6). В апреле 1917 г. эта серия статей «перекочевала» также в горьковскую «Новую жизнь».

[26] *Горький М.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 196.

[27] Там же. С. 197.

скольких словах передать Вам, как оно меня обрадовало. <...> Что я, век свой просидевший за наукой, вижу в ней главное спасение для нашего общества, нашего народа — не мудрено, <...> но слышать то же от Вас — молодого писателя-художника, всегда стоявшего близко к жизни, — глубоко отрадно. Про Ваше начинание могу только сказать — в добрый час, в русской литературе давно чувствуется недостаток в органе, понимающем значение науки. А про себя скажу, что готов служить ему всеми силами, всем пониманием, так как <...> это одно из наиболее важных дел в переживаемое нами, вот уже десятый год, время»[28].

Переписка Горького с Тимирязевым продолжалась до марта 1918 г. Возглавив научный отдел «Летописи»[29], Тимирязев опубликовал в журнале свои статьи «Наука в современной жизни» (1916. № 1. С. 173—188), о чем и просил его Горький в первом письме, выдержки из которого мы привели выше; «Наука, демократия и мир» (1917. № 2, 3, 4. С. 293—304) и воспоминания о М.М. Ковалевском (1916. № 8. С. 211—225)[30]. Готовились к печати его статьи «Наука и демократия после войны» и «Солнце, жизнь и хлорофилл»[31].

Первоначально Горького не покидала мысль о создании в «Летописи» постоянной рубрики, посвященной науке: «...не найдете ли Вы возможным рекомендовать журналу лицо, способное вести в нем ежемесячную научную хронику?»[32]. Но Тимирязев убедил Горького отказаться от этой идеи и предложил вместо хроники организовать ежегодные обзоры ученых-специалистов по различным областям знаний. В начале ноября 1915 г. он писал Горькому: «Указать Вам хроникера решительно не могу — нет такового, да и признаюсь — сам мало верю в эти хроники <...>. Мне кажется, лучше заручиться содействием людей знающих и грамотных, которые с удовольствием давали бы статьи, когда в их области появилось бы что-нибудь действительно важное — раз в год, а и реже»[33].

После того как в январской книжке за 1916 г. была напечатана «вводная» статья Тимирязева, научный отдел пустовал; только в апрельском номере появилась статья кристаллографа проф. Г.В. Вульфа «Рентгеновские лучи и строение кристаллов» (1916. № 4. С. 154—164), а следующая научная публицистика — только в июне: «Основные моменты в развитии русской церковной

---

[28] *Горький М.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 453.

[29] Там же. С. 206.

[30] В ноябре 1916 г. появилась статья сына Тимирязева — Аркадия Климентьевича. Она называлась «Старое и новое в физике» (№ 11. С. 145—170) и была направлена против философии Маха и Оствальда.

[31] Там же. С. 564.

[32] Там же. С. 206.

[33] Там же. С. 470.

жизни»[34] Н.М. Никольского[35] (1916. № 6. С. 141—159) и «Новейшие космологические теории» Ю. Делевского[36] (там же, с. 160—183).

В дальнейшем в научном отделе печатались П.С. Юшкевич, излагавший теорию Эйнштейна в статье «Принцип относительности и новое учение о времени» (1916. № 7. С. 204—213; 1916. № 8. С. 190—210); врач И.И. Манухин с воспоминаниями об И.И. Мечникове (1916. № 9. С. 186—191) и Р.Г. Виппер со своими «Заметками историка о религиозных искажениях современности» (там же, с. 204—238). В 1917 г. были опубликованы лишь две вышеназванные статьи Тимирязева.

Во второй половине октября 1915 г., — после того как в первой половине месяца началась переписка с Тимирязевым по вопросам научного отдела, — Горький обратился к М.Н. Покровскому с просьбой помочь в создании «Иностранного отдела». Горький советовался с ним о том, каким должен быть отдел, какие задачи следует перед ним ставить; предлагал Покровскому взять на себя руководство отделом. Однако тот жил в Париже, поэтому просто ограничился активным сотрудничеством: его большой очерк «Константинополь» был опубликован в двух книжках в конце 1916 г. (№ 10. С. 228—239; № 11. С. 171—189). Кроме того, Покровский привлек к постоянному сотрудничеству в «Иностранном отделе» большевиков В.П. Волгина, А. Лозовского (настоящее имя — С.А. Дридзо), В. Керженцева (настоящее имя — П.М. Лебедев), Н. Совского (настоящее имя — М.С. Урицкий), Н. Скопина и др.

По инициативе самого Горького к сотрудничеству в отделе иностранной жизни был приглашен Михаил Павлович Павло́вич[37]. Горький высоко ценил его работы по вопросам внешней политики стран Европы и Востока. По совету Горького Павло́вич начал писать для журнала «Современник» серию статей под названием «Великие железнодорожные и морские пути будущего», которые затем вышли под тем же заглавием отдельной книгой (СПб., 1913). Задумав осенью 1915 г. издать серию брошюр о причинах Первой мировой войны, Горький писал М.Н. Покровскому: «Мы думаем, что брошюру на тему: “Роль Азии и Африки в европейской войне”

[34] Центральная идея статьи заключалась в следующем: несмотря на все различия и многообразие форм религиозной жизни Запада и России, основные законы развития западной и русской церкви и религии, по существу, одинаковы. Этот тезис был очень важен Горькому, доказывавшему, что России необходимо избрать европейскую модель жизни магистральной линией своего развития. В то же время продолжалась полемика со «славянофильскими» кругами, настаивавшими на особом пути России, на ее превосходстве перед отринувшим живого Бога Западом и в том числе истинности православной церкви и т.д.

[35] *Горький М.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 229—230.

[36] Настоящее имя — Яков Лазаревич Юделевский.

[37] Настоящее имя — Михаил Лазаревич Вельтман.

мог бы выполнить М. Павло́вич; его книга “Четыре пути будущего” весьма близка этой теме»[38]. В первой же книжке «Летописи» была опубликована статья Павло́вича «Румыния в международном конфликте» (1915. № 1. С. 222—235)[39].

Сообщая Покровскому о задачах и структуре отдела иностранной жизни, осенью 1915 г. Горький писал: «Иностранный отдел должен составляться ежемесячно: 1) из систематического обзора политической жизни Европы, Америки и Востока и 2) из 2—4 корреспонденций “собственных корреспондентов”, причем страны должны чередоваться (главные — чаще, второстепенные редко)»[40]. Следуя этой программе, Павло́вич написал ряд таких корреспонденций о Франции, Румынии и т.д. Волгин писал о Балканах, Англии, Ближнем Востоке и Китае, Лозовский — о Франции, Керженцев — об Англии, Ирландии и Америке, Рафаил Григорьев — об Италии, М. Лурье — о Германии.

Одним из тех, кто разделял настроения Горького, которые возникли у него сразу после начала войны, и тем самым оказал Горькому большую моральную поддержку при создании «Летописи», можно считать В.С. Войтинского. Переписка Горького и Войтинского завязалась в 1914 г.; поводом к ее началу послужило обсуждение романа Войтинского «Волны», который был посвящен первой русской революции. То был очень важный для духовного и творческого развития Горького период. Контраст создавала варварская атмосфера Первой мировой войны, действовавшая на Горького угнетающе. В письме к Е.П. Пешковой от 10 сентября 1914 г. он писал, например: «Как вспомнишь, что три года тому назад люди серьезно говорили о возможности планетарной культуры, о необходимости организации мирового разума, что была уверенность в прочности принципов, идей, международной солидарности лучших представителей человечества. И — вот! Люди науки свирепеют так же, как простое пушечное мясо. Бессмысленно и бесстыдно разрушаются исторические памятники»[41].

Грандиозный масштаб военных действий, количество втянутых в войну больших и малых стран и народов, невозможность высказаться на страницах прессы, контролируемой жесточайшей военной цензурой, — все это подавляло и ставило в тупик. В такой обстановке одним из немногих сочувствующих Горькому в первые месяцы войны стал ссыльный Войтинский, которому Горький мог

---

[38] Горький и журнал «Летопись». С. 943.

[39] Павлович стал одним из самых активных сотрудников иностранного отдела; за его подписью в «Летописи» был опубликован еще целый ряд статей.

[40] Горький и журнал «Летопись». С. 943.

[41] Там же. С. 912.

довериться как единомышленнику и в письмах которому Горький откровенно высказывался по наболевшим вопросам.

В период организации Горьким «Летописи», осенью 1915 г., ссыльный Войтинский был арестован за антивоенную литературную деятельность. По выходе из тюрьмы он попытался найти новые возможности для борьбы и обратился за помощью к Горькому. Писатель тут же откликнулся на его просьбу и предложил сотрудничать в новом журнале. В 1916 г. были напечатаны два его очерка: «Областной сибирский съезд» (№ 5. С. 219—230) и «Беженцы в Сибири» (№ 12. С. 298—307); обе статьи были написаны на богатом фактическом материале[42].

Войтинский хотел участвовать в «Летописи» и активнее предлагал Горькому для печати свою повесть «За жизнь!», рассказы «На гребне волны» и «В деревне»[43], но ни одно из этих произведений в «Летописи» не появилось. В 1917 г. в журнале была напечатана рецензия П.С-ского (псевдоним П.Н. Сурожского) на книгу Войтинского «В тайге». Охарактеризовав помещенные в сборнике рассказы как «правдивые бытовые картинки сибирской жизни», автор рецензии обратил свое внимание на их социальную направленность, на критическое изображение эксплуатации сибирскими купцами — «капиталом» — местных жителей — тунгусов (№ 7, 8. С. 321).

Кроме того, известно, что Войтинский написал в форме письма статью, которая также предназначалась для публикации в «Летописи». Сама статья не разыскана, мы обладаем лишь ответом Горького (3 декабря 1915 г.), где он объяснял Войтинскому, почему не сможет опубликовать ее в журнале: «Ваше “письмо” прежде всего — не цензурно и не цензурно как раз в лучших его местах...<...>. Если же устранить эти места — письмо принимает вид легковесный, является разговорчиком без фактов, без идеи. Вы не знаете современных цензурных условий; <...>. Условия требуют спокойного, академического тона. <...>. Давайте цифры, факты, — идеи выжмет сам читатель, если захочет»[44].

В письме этом, говоря о спокойном, академическом тоне, Горький, по сути, сообщил ту тактику, которой редакция «Летописи» пользовалась с самого первого номера и вплоть до Февральской революции. Чтобы ослабить внимание придирчивого цензора, чтобы дать статье шанс увидеть, несмотря ни на что, свет, большинство материалов «Летописи» было написано отстраненно, отрешенно и бесстрастно — как простая констатация факта, как сухая

[42] Там же. С. 936.
[43] Горький и журнал «Летопись». С. 936—938.
[44] Там же. С. 935.

регистрация событий. В этом есть определенная стилизация под каталог, инвентаризацию, опись событий в России и мире, а также всего того, что связано с войной. С этой точки зрения абсолютно оправдывается и само название журнала. Неслучайно использование его авторами таких псевдонимов, как Летописец или Нестор.

Оппозиционная властям «Летопись», понимая свою уязвимость перед государственной машиной (в первую очередь — цензурно-карательными органами), прибегала к любым ухищрениям и уловкам (эзопов язык, письма-мистификации, мнимая беспристрастность изложения и т.д.), чтобы раскритиковать правительство и при этом не быть наказанной. Принимая вид «фагоцита», но фактически ощущая себя «микробом», «Летопись» всеми правдами и неправдами пыталась поднять те темы, которые считались запретными, рассмотреть те вопросы, о которых принято было умалчивать, причем рассмотреть пристально и незаретушированно. Протестный характер носило содержание материалов, когда в ответ на уверенность в необычайной силе русского духа, которую выражали консервативные круги, журнал приводил целый перечень негативных черт русского человека, которые, безусловно, он желал бы искоренить; когда в ответ на уничижительные оценки германской культуры редакция начинала искренне наслаждаться великолепными образцами немецкого искусства, всесторонне их рассматривать и восторженно расписывать их многочисленные достоинства и т.д.

Наконец, важным и до сих пор не до конца проясненным остается вопрос о тех гонорарах, которые платила «Летопись». Ф.Г. Ласковая в своем письме Горькому, которое относится к концу ноября — началу декабря 1915 г.[45], писала, что «...как раз рассчитывала...» на гонорар 40—45 рублей[46] за этюд «Осеннее» (1916. № 1. С. 77—85). Исходя из того, что объем этого произведения равнялся приблизительно 21 168 знакам, мы можем заключить, что за один нормальный печатный лист (40 000 знаков) «Летопись» платила примерно 90 рублей[47].

Но есть еще и свидетельство Н.Н. Никандрова, писавшего о 200 рублях, которые он получил за рассказ «На Часовенной улице»[48]. Объем его — почти 61 000 знаков, и здесь мы уже получаем примерно 130 рублей за нормальный печатный лист. По некото-

---

[45] Так как ответное письмо Горького датировано 6 декабря 1915 г.

[46] Архив А.М. Горького при Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН. КГ — П. 43 — 10 — 14. *Ласковая Фанни Григорьевна.* Письмо А. М. Горькому. С. 1.

[47] Если учесть, что Ласковая получила все-таки максимум — 45 рублей. К сожалению, из текста ее письма это неясно.

[48] Архив А.М. Горького... КГ—П. 53—13—13. *Никандров Н.Н.* Письмо А.М. Горькому. 8 декабря 1916 г.

рым косвенным свидетельствам[49] мы можем также заключить, что «Летопись» платила своим авторам хорошие деньги.

Максимально полное изучение истоков «Летописи», истории создания журнала и всех двух лет его существования невозможно без архива журнала. Невозможность отыскать его становится своеобразным камнем преткновения — как для прошлых, так и для нынешних исследователей. Вполне возможно, что архив «Летописи» утерян безвозвратно.

Список литературы

Дубинская-Джалилова Т.И. «Летопись» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917 гг. Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984.

Поступила в редакцию
15.03.2013

[49] См.: *Рожков Н.А.* Письмо Горькому. 4 ноября 1915 г. // Архив А.М. Горького... КГ—П. 66—3—4.